

С. Исканиус

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ-ИММИГРАНТОВ В ФИНЛЯНДИИ

Данная статья посвящена изучению жизни русскоязычной молодежи в Финляндии среди двух языков и культур с точки зрения языковой и этнической идентичности. Под языковой идентичностью понимаются представления и оценки, относящиеся к родному языку и финскому языку, а также языковая идентификация, происходящая на основании знания языка и речевых ситуаций, тогда как под этнической идентичностью подразумевается чувство принадлежности к той или иной этнической группе и отождествление себя как члена этой группы. Цель работы — представить малоизученные ранее аспекты отношения русскоязычной молодежи к родному и финскому языкам, а также показать ее жизнь среди двух языков и культур. В частности, рассматриваются следующие вопросы: в какой языковой среде живет молодежь? какое отношение формируется к родному и финскому языкам? насколько язык и этничность взаимосвязаны, и могут ли молодые люди «стать финнами», не забывая при этом свой язык и происхождение?

Статья основана на материалах анкетного опроса и серии интервью, проведенных автором среди проживающих в Финляндии русскоязычных учащихся-иммигрантов в 2000–2001 годах¹. В начале статьи предложен краткий обзор истории формирования русскоязычного населения Финляндии, а также отношения финнов к иммигрантам. Затем на основании анализа эмпирических данных рассматривается языковая и этническая идентичность русскоязычных учащихся.

Русскоязычное население в Финляндии

До начала роста иммиграции в 1990-х годах Финляндия считалась скорее монокультурной страной. Казалось, что в повседневных разговорах совсем не обращали внимания на то, что в Финляндии уже на про-

тяжении столетий проживают представители различных этнических культур, например, саами, цыгане, татары, русские. Число иммигрантов в Финляндии стало расти после распада Советского Союза, так как нестабильная экономическая ситуация и неуверенность в завтрашнем дне заставляли бывших советских граждан эмигрировать (см., напр., Ионцев и др. 2001: 132–136). Важной основой иммиграции стало то, что президент Финляндии Мауно Койвисто дал ингерманландским финнам статус репатриантов в 1990 году. Ингерманландцы считаются репатриантами в том случае, если они сами, один из родителей или бабушка и дедушка имеют финские корни. На данный момент в Финляндии проживает примерно 90 000 иностранцев, что составляет около 2 % всего населения. Русскоязычные являются самой многочисленной и постоянно растущей группой иммигрантов Финляндии. Примерно из 30 000 русскоязычного населения почти 22 000 составляют ингерманландские репатрианты и члены их семей, из которых большинство иммигрировало в Финляндию в 1990-х годах.

Оживленное переселение послужило в Финляндии началом горячей дискуссии о том, к каким последствиям приведет иммиграция. Когда началась репатриация ингерманландцев в Финляндию, ожидалось прибытие в страну прежде всего финнов и людей, владеющих финским языком. На практике у иммигрантов, родившихся в Советском Союзе в 1950–60-х годах, соприкосновение с финской культурой и историей Ингерманландии было незначительным. В зависимости от среды социализации многие из них считают себя в первую очередь русскими или эстонцами (Kuntäjä 2001: 97–108, Davydova 2002). Для их детей финская национальность сводилась лишь к знанию о финских корнях, рассказам о Финляндии или, например, наличию бабушки, говорящей на ингерманландском диалекте. Кюнтяйя считает, что, говоря о потомках ингерманландцев, проживающих в Финляндии, не стоит употреблять слова дети- или молодежь-ингерманландцы, так как речь идет скорее о русских и эстонских детях и молодежи.

Сейчас, спустя десятилетие, можно констатировать, что не все получилось, как предполагалось. Однако «принимающая сторона» также многому научилась: прежде всего важно, что начался разговор о многообразии языков и культур. Финляндия постепенно признается многокультурной страной, где языку и культуре меньшинств оказывается поддержка.

Большинство эмигрировавших из России и бывшего Советского Союза проживает в столице и ее окрестностях. У русскоязычного населения есть свои газеты и радиостанции, тематические вечера и экскурсии, предназначенные для людей всех возрастов; для детей и молодежи организована работа кружков. Основано общество русскоязычной молодежи по адаптации, задачей которого является облегчить адаптационный период молодежи в Финляндии, дав возможность познакомиться с дру-

гими молодыми людьми через кружки, развивать самосознание и сохранить культурные связи с бывшей родиной.

Хотя с помощью кружковой работы и стремятся помочь процессу адаптации к новой культуре, предлагая для новых молодых иммигрантов сеть знакомств, облегчающих этот процесс, здесь могут таиться свои опасности. Если круг знакомств иммигранта будет ограничен только группой людей, говорящих на его родном языке, установление контакта с финнами может еще более усложниться. Адаптация молодежи зависит также от возможности получить место учебы и преуспеть в ней, потому что образование создает хорошую базу для будущего и является естественной средой для знакомств как с русскоязычными, так и с финноязычными сверстниками.

Согласно отчету о выяснении организации обучения учащихся-иммигрантов в Финляндии (Iskanius 2001), русскоязычные молодые люди, обучающиеся в финских гимназиях и профессиональных училищах, зачастую очень честолюбивы и прилежны в учебе. Для многих финский язык все же осложняет процесс обучения. Кроме того, не всегда легко дается привыкание к финской педагогической культуре. Недостаточные контакты с финскими сверстниками замедляют для многих иммигрантов процесс обучения и адаптации. В свою очередь, преподаватели, работающие с иммигрантами, нуждаются в сведениях о предыдущей учебе русскоязычной молодежи как на бывшей родине, так и в Финляндии. У финских преподавателей, как правило, мало сведений об общественном строе и культуре России, не говоря уже о целях и методах работы русской школы. Подготовка к многокультурности — сравнительно новое понятие также и в финской педагогической культуре, и у многих преподавателей совсем нет опыта работы с детьми или молодежью, пришедшей из другой культуры.

На адаптацию и благополучие иммигрантов также влияет отношение окружающего их общества. Хотя официальная государственная политика Финляндии в сфере адаптации направлена на оказание поддержки интеграции иммигрантов в общество, общий настрой говорит несколько о другом. Отношение финнов к русскоязычным иммигрантам не всегда положительное. Согласно исследованию Магдалены Яаккола (Jaakkola 1999: 82–87), финны относятся наиболее положительно к жителям Скандинавских стран, ингерманландским финнам и англосаксам, в то время как в адрес русских, арабов и сомалийцев наиболее часто высказываются негативные оценки. Хотя в целом настрой и стал более доброжелательным со времени кризиса, отношение к русским по сравнению с 1987 годом, когда был проведен первый социологический опрос на эту тему, изменилось в худшую сторону. В частности, вызывает беспокойство отношение финских юношей. Враждебность сверстников усложняет и без того тяжелую жизнь молодых иммигрантов. За последние годы этнические предрассудки и расистские установки сре-

ди финской молодежи даже выросли. В поисках причин этого очень мало внимания обращалось на предлагаемые школой знания и понятия, с помощью которых молодежь формирует представление об окружающей действительности (Suutarinen et al. 2001: 24–27).

В поисках идентичности молодые иммигранты встречаются с различными трудностями: нужно овладеть новым языком, найти место учебы, выдержать враждебное отношение и упорядочить свою жизнь. Многие молодые люди живут с одним или же с обоими родителями, тогда приходится решать также и общие семейные проблемы. В дальнейшем формирование идентичности у русскоязычной учащейся молодежи рассматривается с точки зрения языка и этнической принадлежности.

Узловые моменты идентичности

Переехав в новую страну, иммигранты вынуждены изучать новый язык и приобщаться к новым культурным традициям и обычаям. При этом они неизбежно сравнивают новое со старым — знакомым и надежным — и формируют свою идентичность в процессе взаимодействия с обществом. Кто я такой, где мое место в новом обществе? Наряду с собственными размышлениями и личным выбором обдумываются представления других людей: что другие думают обо мне и куда меня относят. Молодежь подвергается особенному риску, оказываясь в новой стране. Молодых людей и девушек вырывают из родной страны, может быть, даже не спрашивая их мнения. Образование еще не закончено, освоение нового языка и установление дружеских отношений с местным населением удастся не сразу. Владение языком становится основным в процессе адаптации. Если молодой человек или девушка не овладеет языком достаточно быстро для того, чтобы преуспеть в учебе или получить работу, растет угроза исключения из общества. Недостаточное владение языком часто является одной из причин, на основании которой дети- и молодежь-иммигранты становятся социально обделенными в школе.

Ситуации, в которых русскоязычная молодежь нуждается в языке и хочет использовать язык — русский или финский — различны. У кого-то использование родного языка (русского) может быть ограничено стенами дома, тогда как все остальное общение будет происходить на финском языке. Другие могут сводить использование финского языка к минимуму и пользоваться в основном родным языком. Особенно для старшего поколения иммигрантов финский может стать языком языковых курсов и посещений магазинов или официальных учреждений. Для молодых иммигрантов школа является естественным окружением для изучения финского языка и установления финноязычных контактов, а развитие и сохранение родного языка может стать более трудным делом. В крупных городах для иммигрантов организуют обучение родному языку, если количество учеников в группе

будет не меньше четырех. В маленьких городах и сельской местности иммигрантов меньше, и не во всех школах набирается необходимое минимальное количество учеников. В этом случае изучение и сохранение родного языка становится задачей семьи. К сожалению, довольно часто приходится слышать о родителях, которые переходят на финский язык либо по требованию финского супруга / супруги, либо из желания как можно быстрее «финнизировать» ребенка.

Цель моего исследования – выявить связь между языком и этнической идентичностью, а также определить влияющие на установление этой связи факторы. Идентичность индивида в социокультурном смысле формируется во взаимодействии с окружающим его обществом; опыт, полученный в области культуры, общества, семьи, школы, работы и СМИ разнообразно воздействует на формирование личности (см. напр. Penuel, Wertsch 1995; Lanehart 1996). На формирование языковой идентичности индивида влияет выбор, который он делает в разных ситуациях. Языковые цели, представление индивида о себе как изучающем язык и владеющем языком, являются существенной частью идентичности. Языковая идентичность неразрывно связана с социокультурным и историческим контекстом: индивид находится в обществе не один, но смысл, вкладываемый в действия, образ мыслей и намерения, является его собственным.

Иммигрант сопричастен многочисленным группам и окружениям. Формирование идентичности напоминает блуждание в лабиринте: в поисках собственной идентичности иногда упираются в стену, возвращаются назад и пробуют еще раз. Иммигрант оказывается в различных ситуациях, когда необходимо сделать выбор в отношении идентичности и использования языка. В зависимости от контекста некоторые из идентичностей становятся важнее других; иногда идентичность, еще недавно имевшая важное значение, под влиянием новой ситуации может сместиться на второй план. Каждый индивид осмысливает эту значимость по-своему, так как различные факторы имеют для каждого различные значения.

Исследуя языковую и этническую идентичность русскоязычных учащихся, на первом этапе я ставлю своей задачей выяснить с помощью анкетного опроса факторы, которые на основании предыдущих исследований и опыта кажутся наиболее значительными в формировании языковой идентичности. С помощью анкетирования удалось выяснить языковую и этническую идентификацию, использование языка, отношение к языку и национальности, круг знакомств, а также факторы, относящиеся к использованию языка, вначале на индивидуальном уровне, а затем на основании этих факторов было сформировано представление на групповом уровне².

В анкетном опросе приняло участие 256 русскоязычных молодых иммигрантов, обучающихся в финских гимназиях и профессиональных училищах, средний возраст которых 20 лет. Большая часть их иммигри-

рвала в Финляндию из России, несколько десятков из Эстонии, и только несколько человек из других республик бывшего Советского Союза. Учащиеся, принявшие участие в исследовании, живут в Финляндии в среднем четыре года, что является достаточно непродолжительным периодом для исследования формирования идентичности. В связи с этим речь идет, главным образом, о выяснении позиции и идентичности на данный момент. Формирование идентичности каждого индивида происходит на протяжении всей жизни, и с момента переезда в страну по мере приобретения опыта могут произойти сильные изменения. Материалы опроса были дополнены серией интервью с 20 русскоязычными учащимися из трех городов: Хельсинки, Куорио и Йоэнсуу. Их целью было предоставить молодежи возможность самим высказать свое мнение. Анализ материалов интервью находится в самом начале, поэтому в дальнейшем основное внимание уделяется результатам опроса.

Одно- или двуязычная идентичность?

Отношение к родному языку формируется уже в детстве. В одноязычном окружении родной язык является единственным языком, с помощью которого ребенок усваивает культурные обычаи и нормы, получает информацию и общается с другими людьми. Так, у русскоязычных учащихся, принимавших участие в исследовании, отношение к родному языку сформировалось уже до переезда в Финляндию, следовательно, у многих отношение к родному языку было положительным и идентификация с русскоязычной группой была сильной.

Отношение к финскому языку не является таким же однозначным. Так как молодежь, говорящая на русском языке, нуждается в финском языке в повседневных ситуациях, к языку относятся как к инструменту, во всяком случае, на начальном этапе. Владение языком не обязательно означает, что к нему относятся положительно и он нравится. У некоторых русскоязычных учащихся отношение к финскому языку все же со временем изменилось в положительную сторону, как показывает следующий пример:

Но я бы сказала, что со временем даже полюбила, потому как сначала это было очень странно, что я никогда в жизни вот до Финляндии не слышала язык, и когда на границе финны между собой говорили, мне так показалось, что, не знаю, все, конечно, зависит от того, что они говорили. Очень много согласных вот этих: ко-ко-ко-ко, вот такие вот слова, ну вот, со временем я полюбила и сейчас как бы хорошо отношусь к нему.

(Девушка, 19 лет)

Анализ данных опроса показывает, что у русскоязычных учащихся идентификация с русским языком и людьми, говорящими на нем, выражена более сильно, чем идентификация с финским языком и его носителями. Под идентификацией с русскоязычной группой подразу-

меваются принятие языка как на эмоциональном, так и на познавательном уровне. Русский язык считали для себя близким и важным, владение им признавалось нужным как для хорошего душевного состояния, так и для своего будущего. Только несколько респондентов не отождествляли себя с русскоязычными и русским языком. Они иммигрировали в Финляндию в детском возрасте, поэтому финноязычное окружение и образование имели большое значение в формировании идентичности. Некоторые из учащихся никогда даже не задумывались над своим отношением к языкам.

Отношение к финскому языку на эмоциональном уровне не было выражено так явно, как идентификация на основании владения языком. Только третья часть русскоязычных учащихся считала финский язык духовно и эмоционально значимым для себя. Все же около половины респондентов признало важность владения языком и его применения. Следующий пример наглядно показывает значение владения финским языком:

Раз я живу здесь, необходимо знать финский язык. Но я довольна, что знаю финский язык, что умею говорить на нем, и хорошо, когда знаешь больше, чем только родной язык. Но, честно говоря, мне не очень нравится финский язык. Но я довольна тем, что смогла выучить его и знаю его. И его в принципе необходимо знать.

(Девушка, 18 лет. Пример переведен с финского языка)

Как на эмоциональном уровне, так и на уровне владения языком слабая идентификация не обязательно означает отрицательного отношения к финскому языку. Причиной может являться недавний переезд и, как следствие, плохое владение новым языком. Со временем идентификация с финноязычной группой, особенно на основании владения языком, усиливается, тогда как время пребывания в стране не имеет большого значения для отношения к языку.

В отношении к русскому языку были различия по половому признаку: девушки относились к русскому языку лучше, чем юноши, и их идентификация также была сильнее. Использование русского языка дома и с друзьями, естественно, укрепляет русскоязычную идентичность; у говорящих в семье и с друзьями только на русском языке отношение к русскому языку было более положительным, чем у той молодежи, которая говорила дома и с друзьями, кроме русского, еще и на финском языке.

В свою очередь, финноязычная идентичность укреплялась за счет количества финноязычных контактов и общения на языке в кругу семьи и с друзьями. Чем чаще молодой человек или девушка использует финский или русский язык, тем лучше их отношение к данному языку. Заслуживает внимания также влияние места учебы на формирование языковой идентификации: отношение к своему родному языку у учащихся гимназии более положительное, чем у обучающихся в профессиональных

училищах. Учащиеся гимназии живут и учатся в Финляндии дольше, чем обучающиеся в профессиональных училищах. На начальном этапе желание выучить финский язык и преуспеть в учебе может быть сильным, и родной язык начинает казаться менее важным. После стабилизации ситуации отношение к родному языку становится прежним, в особенности если молодой человек или девушка хочет интегрироваться в общество и развивать двуязычную и культурную идентичность (ср. Berry 1997).

В анкете молодых людей попросили также оценить русский и финский языки с точки зрения языковых особенностей. Почти все русскоязычные молодые люди и девушки дали положительные характеристики своему родному языку. По их мнению, русский язык — это *полезный, развитый, важный и выразительный*, а также *почитаемый, красивый, мелодичный и современный* язык. Русский язык считают скорее *трудным*, чем легким языком, даже более трудным, чем финский язык. Многие из респондентов говорили о том, что особенно быстро забываются письменные навыки:

Читать очень легко, но писать, но все же у меня словарный запас лучше в финском языке, финских слов намного больше, потому что я фактически не употребляю в русском языке таких сложных слов, а такие домашние, что ты ешь, как прошел день, такие обычные повседневные слова. Но когда поедешь в Россию, немного труднее, когда все употребляют именно такие культурные слова, и там немного труднее выразить себя, иногда чувствуешь, что не знаешь, что сказать, не находишь этого слова. На этом русском языке немного труднее, в каком-то смысле, потому что все же их уровень — тех, которые живут в России. Не очень хорошо знаю их язык, они знают лучше (смешок).

(Девушка, 17 лет. Пример переведен с финского языка)

Отношение к финскому языку варьируется больше. Четверо из десяти молодых людей относятся к финскому языку положительно, почти половина — нейтрально, и остальные — отрицательно. Нейтральное отношение может говорить также о том, что учащиеся не смогли сформулировать собственное мнение о финском языке. На основании ответов молодых людей, финский язык — *полезный, важный и мягко звучащий*, а также достаточно *почитаемый и красивый* язык.

Интересно, что респонденты заметно лучше относились к русскому языку, чем к финскому. Возникает вопрос, является ли положительное отношение к русскому языку следствием того, что большая часть молодежи считает его родным языком и идентифицирует себя прежде всего с русскоязычными (ср. Baker 1992: 48–75), или родной язык оценить легче, чем другой язык, который изучался и использовался относительно мало? Похоже, что отношение к языку находится в связи с языковой идентификацией. Положительные установки на отношение к языку также способствуют положительной языковой идентификации, то есть позитивная оценка языка прочно связана с эмоцио-

нальной составляющей языка. Отношение к финскому языку все же не связано с тем, насколько молодые люди считают себя финноязычными на основании владения языком. Молодые люди могут чувствовать себя уверенно, пользуясь финским языком, и они, возможно, захотят изучать язык, несмотря на то, что этот язык им не нравится.

У молодых людей также спрашивали их мнение о значении двуязычия на общем и личном уровнях. Отношение к двуязычию, в общей сложности, было очень положительным: владение как русским, так и финским языками считали важным ресурсом на рынке труда в будущем. Примерно у половины русскоязычных учащихся была положительная двуязычная идентичность: они отождествляли себя как с русско-, так и с финноязычными. Другая, более крупная, группа образовалась из людей, русскоязычная идентичность которых была положительной, а финноязычная — скорее нейтральной или отрицательной. Сравнительно небольшая группа состояла из тех, кто идентифицировал себя больше с финно-, чем с русскоязычными, или относился отрицательно как к русско-, так и к финноязычности.

Формирование идентичности иммигрантов можно рассматривать также с точки зрения *аккультурации*. Под аккультурацией понимаются изменения, происходящие вследствие взаимодействия культур, к которым относятся как адаптация меньшинства к доминирующей культуре, так и отношение доминирующей группы к языку и культуре меньшинства. Обычно выделяются четыре основных типа аккультурации: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация (Berry 1997, Лебедева 1999: 205–210). Интеграция считается наиболее положительной и приемлемой. Предпосылкой для успешной интеграции в финское общество является положительная двуязычная идентичность, развитие которой возможно в том случае, когда иммигрант хочет выучить финский язык и стремится контактировать с финнами, но при этом сохраняет также родной язык и культурные обычаи и контакты. По мнению Инги Ясинской-Лаhti (Jasinskaja—Lahti 2000: 97–108), исследовавшей аккультурационные отношения русскоязычной молодежи г. Хельсинки, большая часть молодых людей хочет интегрироваться в финское общество, но среди них есть также такие, кто хочет ассимилироваться в финское общество, и, с другой стороны, такие, кто хочет поддерживать отношения только с членами своей группы, или такие, кто остается в маргинализации и не чувствует принадлежности ни к одной группе. Как выглядит ситуация в свете материалов данного исследования? Какова этническая идентичность и ее связь с языковой идентичностью молодежи?

Русский, финн или тот и другой?

Этничность и этническая идентичность определялись и рассматривались в исследовательской литературе по-разному. Особенно популярными являются представления Стюарта Холла (Hall 1999: 223–258)

о природе идентичности. Идентичности складываются всегда из чего-то, у них имеется своя история, но они претерпевают также и изменения. Например, можно предположить, что идентичность иммигранта изменяется и находится в поисках новых направлений уже начиная с того момента, когда переезд начинает планироваться. Согласно Холлу, речь идет как о становлении кого-то, так и о бытии кем-то, иначе говоря, идентичность относится как к прошлому, так и к будущему. Идентичность иммигранта в какой-то степени связана с бывшей родиной, но в то же время и с новым окружением.

Во многих исследованиях признается, что язык является одним из важнейших факторов в формировании этнической идентичности (Донцов и др. 1997; Файзуллин, Зарипов 1997; Арутюнян и др. 1999: 153–155). По мнению некоторых исследователей, между языком и этнической идентичностью существует несомненная связь (напр., Giles, Coupland 1991: 96–100), в то время как другие исследователи ставят эту связь под сомнение (Edwards, Chisholm 1987). Различия в толкованиях исходят частично из разницы в подходе и традициях исследования, поскольку идентичность как объект исследования настолько широка и разнообразна, что противоречия и различия во взглядах неизбежны. По мнению Эдвардса и Чисома, многие суждения о связи языка и этнической идентичности построены на предположении о необходимости связующего звена, хотя серьезных эмпирических исследований сделано еще мало. По мнению Мэй (May 2000: 128–132), язык как таковой не является определяющей чертой этнической идентичности, но вследствие культурной и эмоциональной связи его значение не следует преуменьшать.

На основании ответов русскоязычных учащихся на вопросы анкеты можно выделить три составляющих этнической идентичности: этническое происхождение, личностные особенности и дружеские связи, на основе которых происходит отождествление. Молодые люди идентифицируют себя в первую очередь с русскими как на основании происхождения, так и личных особенностей. Семь учащихся из десяти считают себя русскими по происхождению, и немного больше — на основании своих личностных особенностей. Своей русской принадлежностью гордились, и своего русского происхождения не хотели скрывать:

Когда всегда говорят, если кто-то говорит «рюсся» или что-то в этом роде, это как бы, ну как негру говорят, что негр. Он знает, что он негр, но это все же немного неприятно, когда тебе так говорят. Я русская, и я довольна, и не хочу быть какой-то другой иностранкой. Но все же немного неприятно, когда тебе говорят «рюсся». Если ты мне скажешь, хочешь ли ты поменять, или хочешь ли родиться заново, скажем, англичанином, или финном, или французом или немцем, я хотела бы родиться русской.

(Девушка, 18 лет. Пример переведен с финского языка)

Я русская, которая выросла частично в Финляндии, — сказала бы, что я россиянка, то есть в душе я русский человек, но хотя я очень хорошо понимаю иностранцев.

(Девушка, 17 лет)

С финнами себя идентифицировали как на основании происхождения, так и личных особенностей без малого шесть процентов респондентов, пятая часть опрошенных считала себя как русскими, так и финнами. На основании происхождения идентифицировала себя с русскими и финнами примерно третья часть, тогда как на основании личных особенностей как с русскими, так и с финнами себя идентифицировал каждый пятый. Примерно третья часть молодежи являлась репатриантами через родителей, и принадлежность к ингерманландцам в речи молодежи определялась как принадлежность родителей или бабушки с дедушкой к финнам. Связь с финской принадлежностью, основанная на наличии финских корней, усиливала чувство значительности, но только несколько молодых людей считали себя ингерманландцами.

Рассмотрение дружеских отношений показывает, что молодые люди предпочитают общение в своем кругу. Около двух третей опрошенных молодых людей сообщили, что их друзьями являются только русские, почти у третьей части друзьями были как русские, так и финны, и лишь у семи процентов в основном финны. Это подтверждает более ранние результаты исследований и наблюдения о том, что русские проводят много времени в своем кругу (Исканиус 1999: 133, Keskiälö 2001: 204):

Наверное, самые близкие отношения все же с переселенцами из России. Которые такие же, как я, непонятно кто.

(Юноша, 20 лет)

Нет финнов [друзей]. Все русские.

(Девушка, 18 лет)

По мнению некоторых респондентов, у русских и финнов нет ничего общего, и в свое свободное время они ни в коем случае не хотят иметь с ними никаких общих дел. Примером этому являются выдержки из двух интервью:

Поскольку мы как бы не понимаем друг друга. У каждого человека есть как бы свой характер, он всегда отличается. Даже если взять двух русских, то у них разные характеры, но все же если взять всех русских и всех финнов, то у финна есть все же что-то общее в характере, но одно что-то будет общим и также у русского. Какая-то одна черта, которая будет общей, и у финна одна черта и у русского одна черта, и эти две черты различаются, и они не подходят друг для друга. И еще больше то, что мы проводим свободное время как бы совсем по-разному, чем финны. И они не понимают, как мы проводим его, и мы не понимаем, как они проводят его.

(Девушка, 18 лет. Пример переведен с финского языка)

Все же русские отличаются от финнов. Ну, например, посмотрим на парней. Русские парни, хоть они живут здесь, они как раз такие, то есть финн никогда не принесет никаких цветов, очень редко, особенно семнадцатилетние. Русские в основном именно такие — просто джентльмены, то есть в этом различаются очень сильно. Поэтому русские и не общаются с финнами и не встречаются. Потому что у русских совсем другие требования, чем у финнов. Ну, во взглядах и так далее.

(Девушка, 17 лет. Пример переведен с финского языка)

Большая часть молодежи хотела бы все же завязать дружеские контакты и с финнами, а не замыкаться в своей среде. Возникает вопрос: являются ли малочисленные контакты с финнами следствием предубеждений финнов и нежеланием устанавливать контакты с русскоязычными или их равнодушия в отношении к иммигрантам.

Похоже, что языком общения молодежи в первую очередь является русский язык. Почти девять человек из десяти сообщили, что языком, на котором они говорят дома, является только русский; у других, помимо русского, языком общения дома был также финский или какой-то другой язык, например, эстонский или белорусский. Только у одного респондента финский язык был единственным языком общения дома. Общаясь с друзьями, финским языком пользовались немного чаще, хотя более половины говорили исключительно на русском языке. Четверо из десяти говорили с друзьями на русском и финском языках, в основном исходя из сложившейся ситуации, как, например, утверждает один гимназист:

С финнами по-фински и с русскими по-русски. Или, если все вместе, в основном переходим на общий язык, финский. Тогда все понимают.

(Юноша, 19 лет. Пример переведен с финского языка)

Языком чтения и мышления половина из опрошенных назвала русский язык, остальные назвали как русский, так и финский. Популярность финского языка, по мнению некоторых респондентов, вызвана тем, что обучение происходит почти полностью на финском языке. Чтение художественной и научной литературы на русском языке зависело от собственного желания, но, несмотря на желание, ни у кого не было времени читать из-за загруженности в учебе. Несколько молодых людей сообщили о том, что всегда по возможности приобретают литературу на русском языке или пользуются Интернетом.

Можно предположить, что русские корни и русский язык играют важную роль в формировании идентичности молодежи. Русское происхождение является частью идентичности, и некоторые из молодых людей стремятся подчеркнуть его значение, например, желанием одеваться в русском стиле, поведением и проведением свободного и школьного времени в кругу своей этнической группы. У многих в высказываниях на первый план выступает противопоставление: мы русские, а они фин-

ны, хотя четкого определения идентичности еще нет, как это видно из следующих выдержек:

Я не знаю. Я как бы что-то среднее.

(Юноша, 19 лет. Пример переведен с финского языка)

Наверное, больше русская все же, потому что родилась в России, и она все же всегда будет моей родиной. И хотя я уже привыкла к тому, что здесь [в Финляндии] мой дом, но все же чувствую себя дома здесь, чувствую себя русской.

(Девушка, 17 лет. Пример переведен с финского языка)

Для многих как русская, так и финская принадлежность являются неразрывной частью идентичности, причастность к двум языкам и культурам рассматривается как богатство. Среди респондентов есть несколько человек, выбравших стратегию ассимиляции вместо аккультурации. Сторонники ассимиляции хотят раствориться в финском обществе и выучить финский язык как можно лучше. С другой стороны, среди тех, для кого русский язык по-прежнему является самым важным и значительным языком, есть и такие, кто больше хотел бы считаться финном, чем русским:

Не знаю, хотелось бы, естественно, чтобы считали финном. Не знаю. Себя считаю, не знаю, не могу назвать себя полностью русским, но и не финном, чистым.

(Юноша, 20 лет)

Большая часть русскоязычных учащихся, принимавших участие в исследовании, хочет сохранить свое культурное и языковое наследие. Этническая и языковая идентичность находятся в неразрывной связи друг с другом, хотя значение родного языка, вероятно, является важнее этнического наследия. Значение финского языка возрастает по мере участия в общественной жизни. Многие молодые люди нашли свое место среди языков и культур. Когда же русский иммигрант сможет стать финном? И может ли он вообще когда-нибудь стать финном? В особенности среди школьников и молодежи не так просто быть принятым в финскую среду. После достижения первого критерия — владения языком — найдутся новые доводы, на основании которых иммигранта можно исключить из финского коллектива. Самым важным фактором становится так называемое кровное наследие, то есть финнами считаются только те, кто родился в Финляндии, дети финских родителей (Keskiälö 2001: 187). Можно ли, тем не менее, требовать от иммигрировавших в Финляндию, чтобы они продолжали нести на себе крест иммигранта и оставались стигматизированными в своей идентичности? Иммигрант и иностранец сможет стать финном или жителем Финляндии, когда он при формировании своей идентичности будет опираться как на свой язык и культуру, так и на финский язык, и принимать участие в жизни финского общества, не являясь при этом коренным финном.

Примечания

¹ Анкетный опрос и интервью проводились среди русскоязычной молодежи, обучавшейся в финских гимназиях и профессиональных училищах в 2000 и 2001 годах. Данное исследование является основой диссертации по прикладной лингвистике и проводится в рамках исследовательского проекта «Язык и образование в межкультурном взаимодействии», финансируемого Академией Наук Финляндии в 1996–2000 гг. (Лайхиала-Канкайнен 1997).

² Материалы опроса проанализированы с использованием статистических тестов программы SPSS. Метод анализа и результаты тестов будут более конкретно изложены в диссертации, находящейся в стадии подготовки.

Литература

- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
- Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности // *Вопр. психологии*. 1997. № 4. С. 75–86.
- Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах рос. репатриантов, 2001. 490 с.
- Исканиус С. Языковая и этническая идентичность русскоязычных школьников в Финляндии // *Перспективы — культура, язык, образования* / Под ред. С. Лайхиала-Канкайнен, И. П. Лысакова, С. А. Расчетина. Ювяскюля, 1999. С. 124–135.
- Лайхиала-Канкайнен С. Язык и культура в межкультурном взаимодействии // *Языковые контакты* / Под ред. С. Лайхиала-Канкайнен, С. А. Расчетина. Ювяскюля, 1997. С. 7–23.
- Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ, 1999. 224 с.
- Файзуллин Ф. С., Зарипов А. Я. Грани этнической идентификации // *Социологические исследования*. 1997. № 8. С. 40–47.
- Baker C. Attitudes and Language. *Multilingual Matters* 83. Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1992. 173 p.
- Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied Psychology: An international review*. 1997. 46 (1). С. 5–68.
- Davydova O. Interaktiivista identiteettipeliä — havaintoja paluumuutosta Suomeen // *Moniääninen Suomi. Kieli, kulttuuri ja identiteetti* / S. Laihihala-Kainkainen, S. Pietikäinen, H. Dufva, eds. Helsinki, 2002 (in print).
- Edwards J., J. Chisholm. Language, multiculturalism and identity: a Canadian study // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1987. 8 (5). P. 391–408.
- Giles H., N. Coupland. Language: Contexts and consequences. Milton Keynes: Open Univ. Press, 1991. 240 p.
- Hall S. Identiteetti. Tampere: Vastapaino, 1999. 285 lk.

- Iskanius S.* Kahden opetuskulttuurin kohtaaminen: venäjänkieliset opiskelijat toisen asteen opinnoissa // Kahden kulttuurin väkeä. Venäläiset ja suomalaiset koulussa. Joensuun yliopiston kasvatustieteiden tiedekunnan selosteita / K. Perho, ed. 2001. n:o 82. C. 73–86.
- Jaakkola M.* Maahanmuutto ja etniset asenteet. Suomalaisen suhtautuminen maahanmuuttajiin 1987–1999. Työministeriö. Työpoliittinen tutkimus 101. Helsinki: Edita Oy, 1999. S. 82–87.
- Jasinskaja-Lahti I.* Psychological Acculturation and Adaptation among Russian-speaking Immigrant Adolescents in Finland. Social psychological studies 2 / Dep. of Social Psychology, Univ. of Helsinki. Helsinki: Edita Oy, 2000. 239 p.
- Keskisalo A.-M.* «Puhu homo suomee!» Suomalais — ja maahanmuuttajanuoret kansainvälisessä luokassa // Valkoisen vallan lähettiläät. Rasismien arki ja arjen rasismi / V. Puuronen, ed. Tampere, 2001. Lk. 173–207.
- Kyntäjä E.* Venäjältä ja Virosta tulleet maahanmuuttajat sekä inkerinsuomalaiset paluumuuttajat Suomessa // Monietnisyys, yhteiskunta ja työ / A. Forsander etc. Helsinki, 2001. S. 148–159.
- Lanehart S.* The language of identity // J. of English Linguistics. 1996. 24 (4). P. 322–331.
- May S.* Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language. London: Longman, 2000. 384 p.
- Penuel W. R., J. V. Wertsch.* Vygotsky and Identity formation: a sociocultural approach // Educational Psychologist. 1995. 30 (2). P. 83–92.
- Suutarinen S., V. Brunell, A. Poutiainen, E. Puhakka, H. Saari, K. Törmäkangas.* Suomen peruskoulun päättövaiheessa olevien nuorten yhteiskunnalliset tiedot, taidot, käsitykset, asenteet ja toiminta 28 maan kansainvälisessä vertailussa. Yhteenveto tutkimustuloksista. Jyväskylän yliopisto: Koulutuksen tutkimuslaitos, 2001. 46 s.